

«Господи, вспомни, ведь это же я...»

*О сборнике стихов Ефима БЕРШИНА «Мёртвое море»
размышляют Андрей ПЕРМЯКОВ и Нина ГАБРИЭЛЯН*

Андрей Пермяков

Своя война

Некоторое время назад электронный журнал «Формаслов» опубликовал подборку Ефима Бершина¹. Формат публикации оказался несколько неожиданным — все-таки, привычней, когда сетевые издания предпочитают новые тексты, а в данном случае читателю были представлены стихи, написанные более тридцати лет назад, во второй половине восьмидесятых. Выпускающий редактор, Яна-Мария Курмангалина, отметила: «Обычно в ранних текстах чувствуется некоторая неуверенность созревающей творческой личности, еще только нащупывающей свой путь, но здесь мы видим нечто совершенно иное, а именно — зоркий взгляд и суггестивную глубину, ту самую, которая в будущем станет одной из определяющих черт поэзии этого автора».

Абсолютно верно. Более того: атмосфера стихотворений напомнила вполне определенную вещь, созданную Бершиным гораздо позже: «Millenium»². Между совсем ранними стихами и той поэмой минуло несколько эпох, но город и Ойкумена менялись лишь внешне. Мир оставался страшным:

И расплзлась по Москве,
как трёхголовая Химера,
пристегнутая к голове
нечеловеческая эра.

Уточним: «страшным» именно в блоковском смысле. Привлекательным в своей тотальности и алогичности. О таком мире лирический герой знает примерно всё, но здесь он чувствует себя именно героем, а не жертвой обстоятельств. Это уже немало, этого уже достаточно, чтоб изо рта вырывалась «лишь благодарность» — по формуле Бродского. Обратим внимание: и поэма начинается словом «спасибо», и в упомянутой выборке из ранних текстов это слово встречается чаще многих иных.

---

¹ *Ефим Бершин*. Через Москву, неведомо куда... (ред. Я.-М. Курмангалина) <https://formasloff.ru/2020/03/01/efim-bershin-cherez-moskvu-nevedomo-kuda>

² Millenium: Поэма распада. — «Новый мир», 2010, № 12.

Кому адресована благодарность? Ответ неоднозначен и не слишком прост. Да, кто-то наблюдает за поэтом и даже обещает нечто. Как в стихотворении, впервые напечатанном в тот же год, когда появился «Millenium», но вошедшем в новую книгу:

На меня из тучи бородатой
пялится, глазеег с давних пор
то ли зритель
то ли соглядатай,
то ли вор.
<...>
Кто-то шепчет и шуршит над ухом,
и сулит награду, и поёт..
Словно я и вправду нищий духом,
и придет царствие моё.

В суровой же прозе, точнее — в интервью, данном в том же 2011 году, звучат ответы более прямые:

«— У вас есть такая фраза: "Русский поэт — это переводчик с Божьего на русский".

— Да, я абсолютно убежден, что я — переводчик. Я сам не создаю никаких произведений, я просто перевожу на русский те импульсы, которые мне откуда-то являются. Вот и всё»¹.

Упоминаний Бога и обоих Его Заветов в новой книге немало. Однако тональность и даже грамматическое время разговоров, кажется, с течением лет переменялись:

Господи, вспомни, ведь это же я —
в новой матроске.
Рядом со мною мама моя
на перекрёстке.

Так и стоим под ослепшим дождём
южного полдня.
Словно чего-то по-прежнему ждём.
Господи, вспомни!

Сам меня выбрал и сам не узнал,
и никогда не узнаешь, похоже.
Я ничего Тебе не доказал.
Ты мне — тоже.

Мир остался прежним, напряженным; всякий город — Содом, каждое море — Мёртвое. Но трагедия сместилась вглубь: «Это во мне умирает Бог,/ который в меня так верил».

Вообще-то, отношения поэта Бершина с горными силами никогда не были простыми. Елена Черникова в материале, аннотированном как «Фрагменты незавершённой книги о Бершине» пишет: «Бершин есть перевоплощение Лермонтова и его раскалённого *зачем?* — Богу. Я не по словам сужу, я по звуку». И далее, характеризуя творчество на уровне не манеры, но идей: «...то спорит с Богом, то устраивает Ему форменные скандалы, то напрочь отказывается понимать, то просится в гости <...> — и всё в формах столь энергичных, в которых сие возможно разве что в семейной жизни, где все свои»².

¹ «Принципиальный противник умственного процесса». Беседа Ефима Бершина с Натальей Крофтс. — 45-я параллель, № 15 (183) от 21 мая 2011 г.

² Елена Черникова. Поэт Ефим Бершин и его сообщение. — Литклуб, 20.05.2016. http://lit.lib.ru/c/chernikowa_e_w/text_0310.shtml

Да, упоминание Лермонтова в этом контексте бесспорно, как, наверное, и Вениамина Блаженного. Однако Бершин ведь сам — автор интереснейших материалов-воспоминаний о старших современниках. В его случае «старшие» это и есть влияющие: в упомянутой беседе с Натальей Крофтс, состоявшейся, напомним, десять лет назад, самыми молодыми из названных им любимых авторов оказались Сергей Гандлевский и Марина Кудимова. Вообще, логично: говоря о метафизическом, необходимо видеть, сколько не сделано, сколько упущено предшественниками и современниками. А новые пусть начинают сами — тема такая, что всем хватит, никто не уйдет обиженным. Тем более, нынешняя теплохладная постсекулярность, снисходительно позволяющая вере быть, в массе своей не слишком интересна.

Список значимых поэтов оказался кратким, но, даже в нем легко обозначить двух авторов, особенно важных для Бершина. Для первого из них он нашел лаконичную, однако настолько исчерпывающую формулировку, что собеседнице все в том же интервью-разговоре осталось лишь ее процитировать: «— Но, помнится, в своей статье о Левитанском вы подвели очень конкретные итоги: он ввел “бесконечную” строфу и реабилитировал глагол»¹.

Оба момента в полной мере относятся и к самому Бершину. А взаимодействие со стихами Левитанского порой бывает у него довольно неожиданным. Вот, скажем, написанное не в пародию, но явно в пандан знаменитым строчкам про «будет апрель»:

И не взорвётся в июле воинственный дождь —
как не воротится в ствол раскалённая пуля.
Просто не будет июля. И ты не придёшь.
И хорошо. Проживём как-нибудь без июля.

Конечно, моменты технические, пусть и важные, служащие коммуникации через десятилетия, становятся, начиная с определённых высот, делом десятым. Есть у Бершина работа, возможно, даже более известная, чем заметки о Юрии Левитанском. Я имею в виду большое эссе, посвящённое Инне Лиснянской². И в том эссе, и в статье, посвященной Левитанскому, присутствует цитата из Мандельштама, одна из самых ранних и самых знаменитых у него: «Неужели я настоящий./ и действительно смерть придёт?» В отношении Юрия Давидовича слова эти отражают, скорее, шок ухода — нас покинул очень молодой душевно человек. А в случае Лиснянской строки делаются основанием важнейшего ценностного конфликта: и поэт настоящий, и смерть придёт, но насколько подлинен сам окружающий мир? Кто стоит за и над этим миром? Тут лучше процитировать эссе: «Несоответствие между миром и представлением поэта об этом мире, как кремень и кресало, рождают искру-строку».

Несоответствие очень сходного рода во многом определяет ход новой книги Ефима Бершина. Несоответствие настолько жесткое, что заставляет вспомнить о войне. Точней, о разных войнах. Следы одной из них автор во всех подробностях застал в детстве. Романтизма в следах было крайне мало:

Я вырос на руинах той войны,
там, где за водкой и в кровавых драках
вернувшиеся с фронта пацаны
достреливали жизнь свою в бараках,

хватаясь за ножи и топоры,
размазывая братьев по заборам.
Я тоже мог по моде той поры
заделаться убийцей или вором.

¹ «И ни о чём не надо беспокоиться...». — 45-я параллель, № 10 (178) от 1 апреля 2011 г.

² «В лесу, где не бытует эхо...». Поэтическое бытие Инны Лиснянской (Обрывки мыслей). — «Дружба народов», 2006, № 11.

Но у меня своя была война,
свой вечный бой, который вечно длился
меж двух дворов.
И не моя вина,
что я родился там, где я родился.
<...>

Безногая, безрукая война
ещё блуждала в переулках стёртых,
выменивая хлеб на ордена,
сверкавшие на грязных гимнастёрках.

И что нам до Великой Мировой,
застрявшей в историческом провале,
когда уже и с нашей, дворовой,
иных уж нет, а те — отвоевали.

В середине этого достаточно длинного текста присутствует упоминание о войне внутри войны: евреям на Второй мировой досталось отдельно, а после выживших еще и попрекали фактом спасения. Есть в книге и отдельные стихи о подвиге еврейского солдата-мстителя. Однако про национальный вопрос сейчас мы поговорим в аспекте другой войны и другой книги того же автора.

Ефим Львович Бершин застал собственную войну. В начале девяностых, на своей малой родине, в городе Тирасполе. О той войне он, спустя десятилетие, написал книгу «Дикое поле. Приднестровский разлом»¹. Книга вызвала странную реакцию. Сторонникам безусловных национальных приоритетов и национальных же государств хроника ужаса понравиться не могла в принципе. Они книгу, в основном, проигнорировали. Зато в журнале «Свободная мысль-XXI» (бывший «Коммунист») появился огромный отзыв². В целом анализ был благожелательным. Иногда, кажется, — невольно-благожелательным. Например, характеристика автора: «Сам Бершин, чуждый классовому анализу...» — безусловный комплимент, на мой взгляд. Притом комплимент точный.

Хотя есть в «Приднестровском разломе» и вполне социальные суждения. Кто постарше помнят ведь, как всё начиналось. Базовыми лозунгами реформаторов были даже не национальные: они просто легко доступны массе, понятны, приметны, их легко подключить в нужный момент. Но в основе все же лежало, как и всегда, стремление к скоробогаству, требующее неперемного передела собственности и перелома общества. Зачем? Бершин задает тот же вопрос: «Зачем нужна эта груда неодушевленного, обездуховленного злата? Из любви к злату? Кому был бы нужен Париж без Лувра, без собора Парижской Богоматери, без влюбленных на берегах Сены? Может быть, я ошибаюсь? Может быть, в огромных состояниях существует нечто само по себе возвышающее душу? Нет... Из этого омуты не выбраться». Над спрашивающими такое в Перестройку, увы, смеялись. Сначала только смеялись.

Но в целом Бершин смотрит на свершившуюся тогда катастрофу с иной стороны. Внеэкономической и неполитической. Хотя термин «со стороны» в данном случае ужасно неверен. Поэт оказался не в стороне, а в самом сердце беды. Беды, пришедшей внезапно, как и положено беде. Менее чем за год до разразившейся трагедии автор этой рецензии провел в Молдавии несколько месяцев. Напряжение ощущалось, разговоры велись разные, но из Григориополя и Тирасполя бегали автобусы в Кишинёв, а из Кишинёва ходил дизельный поезд до Одессы.

Тем не менее погримыхивало. Начиналось как фарс. Впрочем, фарс вырождался в кровопролитие мгновенно. Ефим Бершин, наблюдая совершенно бредовую акцию

¹ Ефим Бершин. Дикое поле: Приднестровский разлом. — М.: Текст/журнал «Дружба народов». — 2002.

² Александр Тарасов. Написанное болью. — «Свободная мысль-XXI», 2003, № 9, 10.

националистов¹, «...не выдержал и засмеялся. И в ту же секунду ощутил страшный удар в лицо. Даже не успел сообразить, кто его нанес. В глазах потемнело». Организаторами и участниками акции, кстати, были деятели культуры, литераторы. В «Приднестровском разломе» поэт в целом удерживается от прямых выводов — не считая, конечно, обвинений тех, кто стрелял и отдавал приказы стрелять, но факты отмечает. К примеру, такой: «Многолетняя политика искусственного выращивания национальных литератур наконец-то дала свои плоды. Те, кому внушили, что они должны писать, написали. Стихи и проза большинству из них не принесли всемирной славы. А ведь так хотелось. Впрочем, хотелось, видимо, не изнурительного литературного труда. Хотелось стать глашатаями народной воли. А слово здесь, конечно же, лучший помощник». Еще ведь не забудем: одной из сторон конфликта, в данном случае — наступавшей стороной, были декларативные христиане. Включившие определение своей религиозной принадлежности в название партии.

От слов быстро перешли к делу. Через несколько месяцев разразился вполне каноничный еврейский погром. Его по разным причинам предпочли не заметить ни в советской, ни в *свободной* прессе. Казалось, хуже и страшней некуда, но случившееся было лишь началом.

В «Приднестровском разломе» есть множество свидетельских показаний для военного трибунала или судебного психиатра. Но столь же потрясают фрагменты какой-то жуткой поэзии войны. Может, неуместной даже, но война сама не слишком уместна. Гражданская — тем более: «По правую руку замаячило странное сооружение — произведение советского придорожно-паркового искусства: гипсовый пионер, держащий в руке голубя. Вернее, державший когда-то. Чуть позже окопавшиеся за памятником гвардейцы рассказали, что первым делом снайперы вышибли из руки пионера гипсового голубя. Потом стали целить в голову. Но гвардейцы решили спасти гипсовый шедевр и надели на голову пионера каску. Так и стоял — без голубя и без руки. Но в каске».

Поэт смотрит в мир не через сложную систему линз и фильтров, позволяющих, конечно, учитывать массу нюансов, но вносящих неизбежные aberrации. Нет, он смотрит обычным человеческим взором: тем самым, что позволяет заметить и голубя, и непредставимые трагедии войны, и при этом — фон, на котором та война идёт. Только это не фон. Цивилизация — это не театральная декорация, а своеобразный хор античной трагедии. Участник трагедии и соучастник.

Двадцатый век почти канонизировал в качестве жанра «Письмо немецкому другу». В книге «Приднестровский разлом» тоже есть подобное письмо, адресованное действительно другу и при этом — одному из немногих журналистов, пытавшихся разобрататься в кошмаре скрупулезно и честно: «Моя цивилизация, Мартин, — это Пушкин и Мандельштам, Блок и Ахматова. Моя цивилизация — Чехов и Толстой, Левитан и Шагал. Моя цивилизация — это добро и зло нараспашку, слитые воедино, как и быть должно. Это щемящая музыка — от молдавской и еврейской до грузинской и русской. Это февральский снег. Это побагровевшая на свежих утренниках рябина. Это Невский проспект и Арбат, Дерибасовская и тираспольские набережные. Это Волга и Днестр. И я из этой цивилизации никуда не выпадал, Мартин. А современные телефоны, автомобили, отели, биржи, унитазы — это не цивилизация. Современное оружие — с лазерным наведением, сплошь компьютерное — не цивилизация. Видел бы ты, как "цивилизованно" оно стирает с лица земли целые города. Это не цивилизация. Это — безумие». Такая вот эпическая поэзия.

Зачем мы столь подробно вспомнили неновую, в общем-то, книгу? Затем, что при всей стилевой, жанровой, какой угодно разнице интонационно «Мёртвое море» очень напоминает «Приднестровский разлом». Примерно в той степени, в какой подборка юношеских стихов на «Формаслове» напомнила поэму «Millenium». Да и не только интонационно — варианты обращения с вышним похожи, к примеру:

---

¹ Самоназванные румыны, которые даже и румынами-то не были.

Хочу к Иисусу Христу,
туда, где луна — коромыслом,
где чёрных ночей пустоту
ещё не заполнили смыслом.

Где воеет, как раненый зверь,
песок, перемешанный с ветром.
И слово, скользнувшее в дверь,
ещё не назвали заветом.

Туда, где у самой воды
пока не устроены церкви,
и цели ещё не видны
и даже не выбраны цели...

«Цели» в завершающей фрагмент строфе побуждают вспомнить, скорее, военный, а не научный или менеджерский термин.

Вроде, мир остался прежним. Тревожным, но обыденным: «бредут, как люди, люди по Тверской». Вроде, даже если судить по репортажам из горячих точек, «законы и обычаи войны» (идиотское, но необходимое сочетание слов) стали соблюдаться чуть лучше, и местное население страдает меньше. Но история слишком часто ходит по кругу на протяжении одной человеческой жизни, и часто трагедия повторяется, как еще более жуткая трагедия.

Война-то ведь, честно скажем, не закончена. Она поставлена на паузу:

Когда закончится гражданская война,
нам будет явлена единственная милость
определить, чья большая вина
в том, что случилось или не случилось...

Хорошо, чтоб *не случилось* как можно больше. Призывать события и требовать навести справедливость, всегда понимаемую субъективно, поэт явно не желает.

У Игоря Иртеньева, одного из немногих, кого Бершин упомянул, перечисляя любимых поэтов-современников, есть известная строфа:

С рождения духом неистов,
Как всякий нормальный еврей,
Всегда презирал конформистов,
Всегда уважал бунтарей...

Имея в виду эти строки, а также из хулиганских побуждений, я хотел назвать свою рецензию «Ненормальный еврей». Но вышло бы какое-то дешевое сочетание скандального пиара, эпатажа, малоумной смысловой игры и всего такого скользкого. И неточное к тому ж.

Уже не раз упомянутый нами разговор с Натальей Крофтс состоялся перед шестидесятилетием поэта. Она спросила, не собирается ли тот подводить какие-то предварительные итоги? Вопрос был встречен недоумением. Зачем итоги?

Тем более не итог — эта вот книга. Эта книга — звучащая пауза. Предупреждение. Попытка «остановиться, оглянуться», когда сделать остановку необходимо. Разумеется, не автору стихов необходимо. Конечно же, никто поэта не послушает. Такое и раньше было маловероятным, а в мире, где белый шум глушит всё, кроме голосов антиразума, — абсолютно невозможно. Кроме того, смена интонации заметна при внимательном очень чтении, не то чтоб редком в наши времена, но характерном для тех, кто и так понимает многое.

Нет, создание книги — деяние самодостаточное. Единственное, что поэт должен миру. Да и не миру он должен, честно говоря. Ефим Бершин это знает безусловно.